

Авангардная мания подводит юбилейный итог

Концерт из музыки Джона Кейджа

Петр ПОСПЕЛОВ

«Кругом, возможно, Кейдж» — читаешь на афише, висящей в консерваторском дворе, и оглядываешься. Вот елки, вот сидит Чайковский, вот выгружают арфы и литавры, вот пенсионер с абонементом в кулаке, вот пармезан на бегу профессоров. Все они перед нами, можно брать этюдник и писать с натуры. А кругом, возможно, Кейдж.

Недавно на фестивале «Декабрьские вечера» пианист Алексей Любимов и его сподвижники играли Глинку (правда, с провалом по вокальной части, но сейчас не в этом дело). Через пару дней Любимов и компания (частую та же самая) давали в Консерватории программу из музыки Джона Кейджа (1912—1992). Соседство двух основоположников символично: как на Глинку бесконечно ссылались русские новаторы прошлого века, так и Кейдж стал точкой отсчета для всех авангардистов века нынешнего. При этом, если попросить образованного музыканта назвать в XX веке крупнейших, вы услышите имена Стравинского, Веберна, Шостаковича... А Кейджа? Будучи профессионально образованным композитором, он прожил свои 79 лет скорее поэтом от музыки и поселил свое имя в системе координат элитарной поэзии и арта.

Хотя «кейджемании» в России уже 30 лет (чему и был посвящен концерт), основной ее натиск пришелся на первые перестроечные годы: фестиваль «Альтернатива» устраивал многочасовые бдения, куда свозились болты, гайки и ластики (при их помощи рояль становился «препарированным»), переносные радиоприемники (для Кейджа — музыкальные инструменты), диковинные графические листы на больших щитах (партитуры), перепечатанные на машинке тексты лекций (музыкальных произведений). Ко двору пришли мягкий кейджевский юмор, а также пародия и снижение образов классической культуры (название Water Music — не что иное как титул пышно-декоративной сюиты Генделя, между тем на столе перед пианистом стоят всего лишь два стаканчика воды). Но нельзя сказать, чтобы Кейдж был освоен полно и систематично — пожалуй, только Алексей Любимов был адекватным исполнителем его текстов. Прочие радовались

Алексей Любимов и Марк Пекарский — крестные отцы «кейджемании» в России

самой игре в Кейджа, приспосабливая к себе его перформансы, продолжая Кейджа в собственных занятиях. Оказалось, что Кейджа знают все, вплоть до рок-музыкантов.

На самом деле большинство знало лишь, что в пьесе-манифесте «4 минуты и 33 секунды» исполнитель не играет ни одной ноты, предоставляя нам воспринимать как музыку все случайные звуки, возникающие в зале. Те, кто знал по-настоящему, идеи Кейджа интерпретировали. Например, в духе русского гуманизма — как композитор Иван Соколов, написавший такие стихи: «Мир Кейджа чист. Свободна и проста / Идея «Четыре-тридцать-три»: / Как невозможность плохо написать / И больше — как невозможность зла». Убедительно и глубоко — вместе с тем исковое Ничто Кейджа отнюдь не нуждалось в том, чтобы запол-

нять его значениями Добра, Истины или Любви.

Давно уже «4:33» не звучало так удачно, как на прошедшем концерте — Алексей Любимов дирижировал, то есть стоял 4 минуты и 33 секунды, поднимая руки и как бы собираясь дать аут-такт. Ансамбль музыкантов 4 минуты и 33 секунды собирался вступить, временами, однако, подавая признаки того, что исполнение продолжается. За десять лет изменился контекст: в 1988 году все смеялись, когда во время исполнения Water Music радиоприемник включался на официально-перестроечную передачу, а Любимов тем временем переливал воду из одного стаканчика в другой — теперь кейджевская структура столь же беззаботно пускает в гости послания коммерческого музыкального эфира.

Теперь у Любимова новые со-

ратники: вместе с Пекарским, Савенко, Худяковым, Гринденко и Соколовым над опусами Кейджа радостно орудуют молодые Кожухарь, Чеглаков, Рыбаков и Дойников — кто в академичной водолазке, кто в опереточном боа, кто в трусах и халате, смотря по ситуации. Артисты пантомимы из театра «Канон» исполняют вполне корректные по отношению к музыке Кейджа сценки. Пожилой рабочий сцены в задуманный момент выносит на сцену кадку с пальмой — наверное, это сам Кейдж, по-крестьянски усердный и по-дзенски природолюбивый. Два произведения исполняются одновременно — это вполне по Кейджу. Весь концерт называется «Кругом, возможно, Кейдж» — это вполне по-русски: и попытка увязать американца с родными обернутами («Кругом, возможно, Бог» — так написал Введенский), и вытекающее из нее уподобление/противопоставление концерта службе.

Огорчительным образом исполнил лекцию «45 минут для чтеца» Марк Пекарский: вместо того чтобы в чистом и прямом виде доносить до слушателя текст и структуру, он принял вид некоего сатирического персонажа — докладчика за кафедрой в жэке, чьи (в идеале) живые и сиюминутные мысли импозантная машинистка превращала в бюрократическую догму. Ничего этого у Кейджа нет, если исполнять его именно как Кейджа — а именно это, в большинстве номеров огромной трехактной программы, удалось Любимову и его коллегам.

Прощаясь с XX веком, мы пересматриваем его классиков. Кое-кого из них — Шостаковича, Шнитке, Свиридова — уже пора актуализовать вновь, находя новые интерпретации и исполнительские подходы. С Кейджем, как ни странно, ситуация обратная — его стоит дезактуализовать и, избавив от поверхностной моды, изучать и исполнять в соответствии с буквой партитуры (будь они нотными текстами или концептуальными инструкциями) — академично, аутентично и последовательно. Недавно, по свидетельству одного из учеников, Жак Деррида выучился говорить два русских слова: Pravda and Eastina. Для нас, применительно к Кейджу, эти непреложные понятия могли бы заключить не только упоение от мысли, что Кейдж, возможно, «кругом», но и честное внимание к корпусу текстов этого до сих пор малоизвестного в России художника.